

Никита БОГОСЛОВСКИЙ: Почему вы боитесь испачкать руки, друзья-композиторы?

Филармоническое общество
Санкт-Петербурга
представляет

пeterбург

91.1 FM
МЕЛОДИЯ

Творческий
вечер

«Я
вернулся
в мой
город...»

Ровно год назад, 16 декабря 2003 года, состоялся последний концерт 90-летнего Никиты Богословского. Он прошел на его родине – в Санкт-Петербурге. Через три с половиной месяца легендарного композитора не стало. Впрочем, Богословский был не только композитором. Он был незаурядным писателем, автором девяти юмористических книг, родившихся из его «Заметок на полях шляпы». Десятки лет печатался во многих газетах, в том числе и в любимой им «Вечерней Москве». Незадолго до смерти позвонил редактору нашей газеты, пообещал дать «бомбу». Но не успел... Мы попросили вдову Никиты Владимировича покопаться в его архиве – может быть, остались какие-то наброски, черновики... Несколько дней назад Алла Николаевна передала нам текст, который мы публикуем сегодня, в годовщину последней гастроли великого маэстро.

Перебирая последние тетради Богословского, – теперь уже архивные, – я обнаружила множество заметок, вполне законченных и незаконченных, отмеченных значками и буквами, написанных карандашом и фломастером, почерком разборчивым и совершенно неразборчивым... Темы самые разные – от политики, литературы, телевидения и искусства до плановой уборки бытового мусора.

То, что удалось разобрать, – коротко и хлестко, удивительно точно и ярко, современно и беспощадно... Что-то вызвало во мне оторопь и улыбку, хоть и печальную.

Удивительный дар Богословского наблюдать и «подсматривать» за всем сразу сохранился за ним практически до последнего вздоха. Его особенность – обратить все (даже смерть!) в шутку, иронию и самоиронию – поразительна. Когда я ему – уже в больнице – сказала, что

четыре дня он был без сознания, Богословский удивился: «Без классического?..». Через четыре дня он ушел от меня, прошептав несколько слов, о которых я никому не скажу...

А теперь о его записях. Вот одна из них:

– Я разрушаюсь!

– Пора, брат, пора, – тихо отводят глаза доктора.

Запись эта обвешана. Сделана она, я полагаю, месяца за два, за три до смерти, как раз в тот период, когда он великолепно себя чувствовал, что отмечали все, кто видел его. Что это?.. Несомненно, пророческое предчувствие, о котором, впрочем, он никому не говорил. Рядом еще две записи: «Диабетический материализм», «Новое лекарство: пенисцелин». И еще: «С помощью трехэтажного мата строим многоэтажные дома». «В обед – сто лет. Сколько же в ужин?» «Делопрохранитель – сейф».

Однажды Богословский страшно рассердился на телефонный звонок, поступивший ему из партии Ирины Хакамады с предложением вступить в эту самую партию. Отослав звонившего в места столь отдаленные, он тут же с досады (что мало послал, очевидно) написал в календаре:

«За меня бороться надо!»

Так сказала Хакамада.

Хорошо бы, еш талды,

Век не знать Хакамады.

Выпустив пар и расстроившись еще больше – не получился перл, – Богословский немедленно позвонил своему большому другу, главному редактору «Вечерней Москвы» Валерию Евсееву, и сказал – я помню – буквально следующее: «Старик! Я готовлю бомбу. Жди».

Он торопился. Идеи и мысли заполняли все его существо, но железный распорядок уже стал давать сбои. Отфильтровывать и отбрасывать лишнее было некогда. Он знал – за ним пришли: «Пора, брат, пора...».

И вот сейчас, еще и еще внимательно вчитываясь в эти записи, я поражаюсь его активности, любви к жизни, его остроумию и беспечности, его молодости...

Иосиф Кобзон сказал: «Хороших композиторов много. Но личности, равной Богословскому, больше нет».

Никита Богословский ненавидел серьезные лица. Самые большие глупости делаются с серьезным выражением лица – говорил он. Его насмешливый ум выстреливал фразы и афоризмы, как патрон из ствола. Вот некоторые из них.

Реклама зонтов: «Не дай себе замочнуть».

Застрелюсь из ревности, а потом застрелю Алку.

Писатель-графоман проживал за чертой творческой бедности.

Россия, по-видимому, единственная страна, где подавляющее количество композиторов не знает нот.

Как хороши длинные распущенные волосы у длинных распущенных женщин.

В наше время клич «Гей, слава!» существовать не может.

Как упоительны в России вечера! Двоих приятелей я упоил вчера.

Американцы выбрали момент: Ираком наш поставлен президент.

Племя людоедов поймало английскую научную экспедицию. Вечером на ужин каждому члену племени дали по ж...

Прочитал в газете, что на строительство дорог ассигновано 15 млрд. \$. А сколько ассигновано на дураков?

Каждый раз, садясь к телевизору для просмотра новостей, со страхом жду новую прическу у г-жи Слиски. Р. С. Не забыть купить расческу для Леша Венедиктова.

А вот наброски, может быть, той самой «бомбы», которая была обещана Евсееву. Название несколько раз зачеркнуто, затем вписано снова: «Не хочу поступать по принципам». Почти по Андреевой!

Обещанная «бомба» для «Вечерки»

(Из черновых набросков)

«С напряженным вниманием слежу за «Фабрикой звезд» на Первом канале телевидения. И чем дальше и пристальнее, тем все более запутываюсь и ничего не могу понять.

Дело в том, что на соседнем канале славно шествует «Народный артист». Это в пике Первому, что ли? Или же это своеобразный эстрадный сериал в противовес бандитским, надоевшими мне до рвоты.

«Звезды» пекутся, как блины, похожи друг на друга и различаются только мастью: блондины (...ки) и брюнеты (...ки). Парни в «звездном проекте» вихляют задом и передом, юные девушки, давно расставшиеся с невинностью, лепечут похабный вздор, напоминая жалких и смешных нимфеток, пред которыми набоковская Лолита предстает рафаэлевской «Мадонной Литой». Все дружно напевают (естественно, вихляясь) одну длинную песню – бессмысленную и пустую, твердолюбую и агрессивную.

Интервью дают с удовольствием, всем и каждому, с трудом, правда, подбирая слова.

Всей этой кучкой несчастных детей рукоблудит группа мне вовсе неизвестных взрослых, которые, по-моему, взяли грех на свои души, ибо внушают очень молодым людям, что каждый из них почти «народный артист». (Между прочим, я получил это звание, к которому не стремился, в 70 лет. Но речь не обо мне...) Я искренне не понимаю, есть ли родители у этих ребят, и что они при этом чувствуют, отдавая

Никита Владимирович
и Алла Николаевна в гостях
у редактора «Вечерки»

чужим и жестоким дядям и тетям своих чад?.. Не жалко?

Должен, однако, похвалить авторов названия проекта: «Фабрика звезд!» Интригующе. Может быть, звезды – красноармейские, а фабрика их чеканит? А я, старый хрен, не догадываюсь?.. Может, глубоко и далеко мыслят?.. Может, в финале (который, по-моему, близок) нам всем объявят: «Мы пошутили. Все – по домам! И детки – туда же! Учитесь русскому языку, слушайте приличную музыку и уважайте старших...»

По крайней мере я с весьма сентиментальным чувством вспоминаю своих коллег, и ушедших, и ныне, слава Богу, живущих и работающих, которых я (точно, старый хрен) частенько поругивал, сравнивая их песенки с полным дерьмом и отстоем (хорошее словечко!).

Какие милые, теплые, очаровательные мотивчики они сочиняли, смущаясь, путаясь и пугаясь наших худсоветов.

Где вы, друзья? Чего сидите, молчите и слушаете этот слив?

Коллеги! При помощи семи нот, а также сопутствующих им диэзов, бемолей, не говоря уже о бешеных, вполне возможно упражняться в построении прелестных, нежных, сильных и страстных мелодических конструкций, любезных не только вам одним, а и Отечеству, в котором вы проживаете. При этом вовсе не обязательно заходить на сайт «Plagiat.ru», чтобы стащить там пару-тройку музыкальных интонаций, как это успешно делают прителевизионные композиторы, имена которых по назойливости соперничают с рекламой пива или стирального порошка «Тайд».

Где вы, мои молодые и талантливые коллеги – Юрий Антонов и Андрей Мисин, Игорь Саруханов и Александр Градский, Олег Иванов и Алла Сивашова!..

Вас слышно, но все реже и тише. Вы боитесь испачкать руки, тронув это болото хвастовства и непомерных амбиций, тупости и зазнайства, дутой славы и пошлости, лени и графоманства!..

Как-то я спросил у Леонида Утесова: «Скажи, Леся, – так его называли близкие друзья, – чего никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть на свете?».

Утесов ответил: «Я думаю, блатные песни никогда не будут звучать в Колонном зале».

Что ж! И великие ошибаются. Но я-то знаю, что он прав, и что каждая шапка должна сидеть на своем Сеньке. Так что разбейте слонов, братцы, согласно купленным билетам».

(Статья не закончена. Далее идут фамилии, известные и не очень, с пометками, которые я не смогла разобрать. – А. Б.)

«Баловень судьбы», «король розыгрыша», «кумир Москвы», «человек-легенда» – вот лишь некоторые характеристики Никиты Богословского. Он с иронией воспринимал эти «брэнды», так как был абсолютно лишен тщеславия. Чувство зависти также было ему незнакомо. Ему надоело все! Удивить и обрадовать его можно было одним: Талантом!

Вокруг него крутилось много разных людей. И чем проще и незаметнее был тот или иной господин, тем более доброжелателен и нежен в общении с ним был Богословский. Ну, соответственно, и наоборот.

Алла
СИВАШОВА-БОГОСЛОВСКАЯ

16.12.2004
Богословский - Никита